

Наконец они остановились перед каретой с фиолетовой драпировкой.

Их носа коснулся слабый аромат, по всей видимости внутри сидели женщины.

— Госпожа, здесь врач, который может осмотреть вашу собаку! — крикнул Сюй Фу и подтолкнул Бай Шаоцина вперед.

Шаоцин нахмурился, и уже собирался заговорить, как из кареты раздался плач.

— У-у-у-у... у-у... — рыдания женщины были так горестны, она плакала так неистово.

Занавеска кареты неожиданно поднялась, и оттуда выглянуло лицо маленькой девочки.

— Что толку от него сейчас? Сяо Хуа мертв! Хмпф, это бесполезно! — выругалась девочка, опустила занавеску, и отвернулась, чтобы утешить женщину. — Госпожа, не плачьте, такая судьба у Сяо Хуа...

И тоже зарыдала вслед за ней.

Сюй Фу, которого обругала девочка, повесил голову, бормоча себе под нос, и с лицом, полным разочарования, повернулся к Бай Шаоцину.

— Эй-эй, тебе незачем смотреть собаку, можешь идти.

Он вытащил из рукава кусочек серебра и впихнул в руку Бай Шаоцина.

Звуки плача из кареты становились все громче и громче, незнающие люди могли подумать, что умер чей-то родственник.

Бай Шаоцина и позабавила эта ситуация, и разозлила, но его характер был не таким как раньше. Он не произнес ни слова, только усмехнулся и вернулся к себе.

— Поехали! — крикнул извозчик и кареты пришли в движение. Лошади заржали, а затем помчались бодрой рысью. Мало-помалу рыдания женщин затихли вдали.

Вернувшись в дом, А-Тун подшутил над Хуа Хуа:

— Слышала? У той собаки имя такое же, как у тебя.

Хуа Хуа вспыхнула и раздраженно ответила:

— Так я собака? Не смей больше со мной разговаривать.

Она сильно пнула А-Туна, повернулась, откинула занавеску, и вышла наружу.

— Хуа Хуа! Хуа Хуа! — позвал А-Тун, потирая ногу, и глядя на колышущуюся занавеску.

— Догони ее. Ай, почему ты такой непонятливый? — вздохнул Бай Шаоцин.

А-Тун почесал голову.

— Откуда мне знать? Она пинает и пинает меня, а то и вовсе смотрит и закатывает глаза. Зато при виде вас, доктор Бай, она становится почтительной и милой.

Он тоже пару раз вздохнул, бормоча себе под нос что-то невнятное, но вдруг подскочил и выбежал из дома за Хуа Хуа.

Бай Шаоцин смотрел на занавеску, которая продолжала колыхаться, и его губы слегка изогнулись в улыбке.

Сегодня не нужно беспокоиться об ужине, А-Тун поделится с ним миской собачьего рагу.

Затем он усмехнулся, взял медицинский трактат и долго его читал.

— Доктор Бай.

Похоже А-Туну удалось уговорить Хуа Хуа. Она снова подняла занавеску и, стоя в дверях, сказала:

— Мама просила пригласить вас к нам на ужин. Она все еще должна за лекарство, которое получила в прошлый раз.

А-Тун тоже просунул голову и с наглой улыбкой сказал:

— Верно, сегодня вечером будет мое коронное блюдо. Трижды вываренное собачье мясо, даже боги не смогли бы устоять.

— Почему бы тебе не пойти и не приготовить его? — Хуа-Хуа взглянула на него.

— Иду! — откликнулся А-Тун и вприпрыжку убежал.

Хуа Хуа опустила занавеску и занялась сбором овощей со своей земли на ужин.

Бай Шаоцин протер глаза, отложил книгу и подошел к окну, чтобы посмотреть на небо: алого вечернего солнца уже не было видно.

Его темные глаза сияли необъяснимым светом, словно в них всколыхнулась энергия и превратилась во многоцветную радугу, спиралью закручивающуюся в его глазах.

— Опять осень, — пробормотал он. Потянувшись к лацканам одежды, он извлек оттуда чрезвычайно ценный предмет.

Вещь в его руках была кристально-изумрудной, излучающей великолепное сияние, но это была нефритовая сяо высшего качества.

Поднеся флейту к губам, он слегка ее сжал. Из нее полился нежный звук, словно красавица проснулась, лениво потянулась обеими руками, ее талия задрожала, нежными пальцами расчесала волосы. Будто повзрослевший феникс медленно расправил крылья и беззаботно взлетел вверх.

Переливчатые звуки музыки пронзили осеннюю ночь, достигли наивысшей точки, и внезапно затихли.

В воздухе как будто бы витало слабое предзнаменование. Бай Шаоцин прекратил играть и прислушался: неподалеку слабо раздавался стук колес. Неужели вернулся тот караван?

Звук лошадиных копыт раздавался все ближе и ближе, и наконец остановился перед входом.

Ржание великолепных лошадей слилось с гулом людских голосов. Бай Шаоцин только успел спрятать сяю за пазуху, как занавеска снова отодвинулась.

— Доктор! Доктор! — завопил Сюй Фу, едва войдя внутрь.

— Опять больной щенок? — спросил Бай Шаоцин.

— Да не, откуда столько собак?

— Значит кто-то из людей заболел?

— Тьфу-тьфу! — Сюй Фу покачал головой. — Постоялый двор впереди в запущенном состоянии, наша старшая госпожа не хочет там жить. У тебя опрятная усадьба, мы ее арендуем на ночь, заплатим серебром.

— У меня тут не гостиница, — с холодной усмешкой перебил его Бай Шаоцин.

Сюй Фу подскочил, вытаращив на него глаза.

— Ты не согласен?

— Это скромное место, не для приема гостей.

— Ты... ты...

Сюй Фу, казалось, редко получал отказ. Он пылал бешенством, словно собираясь наброситься на Бай Шаоцина, но вспомнив предупреждение молодого господина Сыма, был вынужден проглотить свой гнев. Его лицо изменилось, и он рассмеялся.

— Доктор, за ночь здесь мы дадим серебра больше, чем обычный гость!

Он потер руки и подошел к Шаоцину поближе, прошептал:

— Наша госпожа и так сильно опечалена смертью Сяо Хуа. Ты же врач, целитель. Ты же не допустишь, чтобы госпоже было еще хуже?

С этими словами он достал из-за пазухи слиток серебра, положил его на стол, отступил на шаг и поклонился Бай Шаоцину.

Хотя этот человек грубый и вспыльчивый, он обладает поистине прекрасным характером.

Когда Бай Шаоцин увидел его взгляд, наполненный мольбой и страхом, что хозяин дома не выполнит его просьбу, он невольно слабо улыбнулся и кивнул, не глядя на серебро на столе.

— В таком случае, оставайтесь на ночь. Но здесь не так много свободных комнат...

— Ничего-ничего, — обрадовался Сюй Фу и выставил три пальца. — Нам нужно только три чистые свободные комнаты. Одна для хозяина и старшей госпожи, а вторая для молодого господина Сыма.

— Что насчет другой комнаты?

— Не беспокойся, там тоже кое-кто поселится.

*П.п.: Нехорошие предчувствия — это нормально?

Похоже было, что Сюй Фу избегал упоминать кого-то.

Повернувшись, чтобы выйти и рассказать о положительном решении, он неожиданно добавил:

— Доктор, наша старшая госпожа очень любит цветы. Не могли бы вы поставить этот цветок в ее комнату?

Он вытащил еще один серебряный слиток и с улыбкой сказал:

— Только на один день.

Лицо Бай Шоцина помертвело и он холодно произнес:

— Если тронешь мой цветок, даже не думай здесь оставаться.

Сюй Фу не ожидал, что у сельского врача может быть такое грозное и мрачное лицо.

Напоминает характер молодого господина Сыму. Растерявшись, он нерешительно прошептал:

— Если не хочешь его одолжить, ты скупой. И если бы не приказ господина Сыма не создавать проблем, уважаемый я разбил бы твой цветок.

Повернувшись, он поднял занавеску и громко позвал остальных:

— Эй-эй, выходите и приберитесь в комнатах!

Вся свита зашевелилась, но, по-видимому, они не обратили внимания на размахивающего руками Сюй Фу, каждый занявшись своим делом.

— Ты, раздобудь ужин на кухне, а ты поищи поблизости овощи и попроси тех, кто их выращивает продать нам немного. И потише, не беспокойте старшую госпожу, ей и так плохо,
— энергично распорядился Сюй Фу, закатывая рукава.

Занавес кареты вдруг отдернулся и раздался звонкий голос:

— Говори тише, я слышу как ты глотку дерешь.

Это была утренняя девчонка.

Когда она окликнула его, крики Сюй Фу сразу же стихли. Заметив это, Бай Шаоцин усмехнулся про себя. Воистину, на каждое действие найдется противодействие. Этот Сюй Фу не боялся своего хозяина, но опасался господина Сыму, а еще эту милую девочку. Интересно, боялся ли он старшую госпожу?

Пока он наблюдал, группа людей ввалилась в его двор и принялась наводить там порядок, как будто три пустые комнаты сменили хозяев. Такое ощущение, будто они остановились не на день, а на год или два. Каждый уголок был вычищен до блеска.

В процессе бурной деятельности, к ним подошла Хуа Хуа.

— Доктор Бай, ужин готов. Ого, как оживленно, — подивилась она, заметив все эти кареты. —

Эй, почему они снова вернулись?

— Попросились переночевать.

Бай Шаоцин не хотел приближаться к этой группе, поскольку опасался, что они связаны с четырьмя великими кланами Улинь.

— Еда готова? — спросил он, повернув голову.

— Ага.

— Тогда пойдём к вам. — Бай Шаоцин вышел за дверь и окинул двор взглядом. — Здесь беспорядок.

Он оставил свой собственный двор, позволяя остальным хлопотать, и отправился в дом Хуа Хуа поесть.

Мать Хуа Хуа была яркой личностью, которая своей улыбкой могла заставить дрожать крышу. Сегодня вечером у нее было ее любимое собачье мясо, поэтому мама Хуа Хуа похвалила А-Туна.

— Молодец, хорошая работа. — Мама Хуа Хуа сделала глоток бульона и удивленно сказала: — Когда еще будешь готовить собачье мясо, не забудь позвать тетушку.

— Не беспокойся, как я могу забыть про тетушку? — громко откликнулся А-Тун.

— Только и знаешь, что кур воровать, да собак таскать, никчемыш, — покосилась на него Хуа Хуа.

— Хей-хей, Хуа Хуа, попробуй кусочек. — Лучезарно улыбаясь, А-Тун положил в чашку девушки кусок мяса.

Девушка хмыкнула, выбрала лучший кусок и передала Бай Шаоцину.

— Доктор Бай, вы тоже покушайте, — с улыбкой сказала она.

— Доктор Бай, не стесняйтесь, здесь все свои, — тоже радушно произнесла мама Хуа Хуа.

Бай Шаоцин уже не в первый раз приходил поесть, поэтому он кивнул и сказал:

— Не волнуйся тетушка, я сам себе положу.

Трапеза была восхитительной. Несмотря на то, что ее было немного, и хозяева и гости получили удовольствие.

Бай Шаоцин прикинул, что та группа уже должна была закончить балаган, поэтому распрощался и отправился домой.

Вернувшись в усадьбу, он понял, что люди из карет действительно уже разошлись по своим комнатам. Слуги были во дворе, сидели рядом в гостиной, некоторые уже закрыли глаза и уснули, а несколько человек все еще стояли во дворе, вытянув руки по швам, будто были готовы к тому, что могут понадобиться хозяевам.

Три комнаты, две из которых были освещены, а одна — темная.

Бай Шаоцин машинально пошел к себе в комнату, намереваясь умыться и лечь спать, но вдруг ему пришла в голову одна мысль. Когда сегодня он спросил, для кого третья комната, Сюй Фу замаялся. Неизвестно, что за тайна там скрывается, значит сегодня вечером можно проверить.

Людям часто бывает трудно сдерживать любопытство.

*П.п.: Любопытство сгубило кошку! И мышку! (Переводчик волнуется)

Он задул свечу и тихо сидел в своей комнате, выжидая момент, когда можно будет выйти.

Его техника пересечения неба уже достигла четвертого уровня. Теперь он мог сказать, что в Улинь для него нет равных соперников, если только он не столкнется с Фэн Луном, мало кто сможет осложнить ему жизнь.

Выйдя из комнаты, он забрался на крышу и тихо прокрался дальше. Осторожно сдвинув черепицу, он заглянул внутрь.

Молодой господин Бянь Фу и так славился своим цингуном*, а теперь, когда его культивация выросла, его движения стали еще более бесшумными. Если говорить о скрытности, даже Фэн Луну было бы нелегко его обнаружить.

*П.п.: Напоминаю, что цингун — это метод легкого перемещения. Те самые летающие китайцы в дорамах.

Когда он достиг первой комнаты и посмотрел вниз, то увидел, что внутри сидит женщина и тихонько всхлипывает, опустив голову. Рядом с ней стоял мужчина и увещевал:

— Не плачь, ты плакала весь день, неужели недостаточно? Если будешь продолжать в том же духе, твой старший брат рассердится.

По голосу было понятно, что это тот самый хозяин, о котором говорил Сюй Фу.

— Что с того, что мой брат рассердится? От тебя никакого толку, ты боишься моего брата. — Женщина резко подняла голову и огрызнулась. — Фэн, Бай, Сыма, Сюй, четыре семьи в Улинь. Ты, Сюй Хэцин, тоже являешься членом семьи Сюй, так почему боишься нашу семью Сыма?

Так это оказывается единственный наследник семьи Сыма. Бай Шаоцин незаметно вздохнул: старший сын семьи Сыма был таким трусом, неудивительно, что в последнее время их сила ослабла.

Сюй Хэцин, которого отругала жена, со вздохом сказал:

— Я боюсь вас, Сыма, что в этом плохого?

— Ты не можешь быть хоть немного тверже? И что ты имеешь в виду под "нас, Сыма"? Раз уж я, Сыма Янь, вышла замуж в семье Сюй, то, естественно, являюсь членом семьи Сюй. Неужели я не в праве ожидать от тебя успеха?

Сыма Янь вытерла слезы и сказала:

— Я прекрасно жила в Цзиньлине, и говорила тебе, что не хочу переезжать, но ты, как назло не посмел возразить. Но теперь мы проделали долгий путь, и вдобавок я потеряла Сяо Хуа, а ты не разрешаешь мне плакать.

У Бай Шаоцина внутри все заледенело. Семья Сюй — вековой род из Цзиньлина, так почему старший брат Сыма Янь велел Сюй Хэцину переехать? Неужели семья Сыма тайно взяла под контроль семью Сюй? Выходит, обстановка в Улинь снова изменится. Интересно, как бы отреагировал Фэн Лун, если бы узнал об этом?

Он задумался на мгновение, затем вернул черепицу на место и подошел к крыше второй комнаты для гостей. Там он тоже поднял плитку и тихо заглянул внутрь. Свет свечи еще колыхался, но мужчина в комнате уже лежал в постели.

— Мм... — тихий вздох, вырвавшийся сквозь зубы, растревожил комнату эротической сценой.

На кровати лежали двое мужчин, один из которых уже был раздет догола. Его кожа казалась немного желтоватой, но блестящей и приятной глазу, брови густые и черные, и большие, яркие, очень красивые глаза.

— Кричи, кричи громче. — Другой мужчина сидел на кровати полностью одетый, с намеком на игру в кошки-мышки на губах, и поддразнивал: — Ты и кузен Цин занимались любовью через стену от его жены? Если закричишь, может он придет к тебе на помощь.

Приподняв губы, он нежно провел рукой по члену мужчины, вероятно используя какую-то технику, которая заставила покорный орган внушительным образом окрепнуть, и сразу же на кончике показалась прозрачная жидкость.

Голой мужчина покраснел, отчаянно пытаясь сопротивляться дразнящим движениям, и сказал сквозь стиснутые зубы:

— Сыма Фань, если хочешь убить меня, можешь убить, но не унижай.

— Унижать тебя? — криво ухмыльнулся Сыма Фань. — Ты этого не заслуживаешь. Только самых привлекательных ждет счастливая участь. Ты из боковой ветви семьи Сюй, и хочешь отнять мужа моей младшей сестры? Муж моей сестры для того, чтобы ты с ним сблизился?

Сюй Мэнхуэй с ненавистью произнес:

— Хмпф, боковая ветвь? Ты, Сыма Фань, тоже из боковой ветви семьи Сыма. Чтобы стать господином семьи Сыма, тебе недостает влияния. Не говори о муже сестры, ты сам используешь родство, чтобы контролировать моего старшего кузена. Хотя мой двоюродный брат честный и искренний человек, рано или поздно он разгадает твои коварные планы.

Сыма Фань расхохотался и щелкнул пальцами. При звуке щелчка, Сюй Мэнхуэй слабо вскрикнул и потерял сознание.

— Что мог сделать Сюй Хэцин, когда ты рядом? Как он мог быть таким послушным, если бы не ты? Неужели ты думаешь, что старший сын семьи Сюй — идиот? Если бы ваш с кузеном Цин гун-фу был сильнее, вы были бы трудными противниками. — Он подошел к кровати, поднял лицо Сюй Мэнхуэя, чтобы рассмотреть поближе, и поцокал языком. — Ты не особо привлекательный, почему Сюй Хэцин относится к тебе, как к сокровищу? Он не перестает

думать о тебе каждый день.

Он рассмеялся и откуда-то достал свиток.

Подойдя к столу, он осторожно развернул его при свете свечи, внимательно разглядывая, и тихо вздохнул.

— Вот самый красивый человек на свете. Когда объединю Улинь, обязательно разыщу этого молодого господина Бянь Фу. Хе-хе, если мне удастся любить его на глазах Фэн Луна, значит Сыма Фань не зря прожил свою жизнь.

На картине был изображен мужчина, прислонившийся к стволу ивы у озера. Его глаза были слегка закрыты, как будто он наслаждался бризом у озера или ожидал поцелуя. Мастерство художника восхитительно, человек на картине изображен так, будто почти прорывает бумагу, в попытке выйти наружу; будто грациозный красавец находится прямо перед ним.

Невозможно изобразить такое очарование без глубокой привязанности к человеку, изображенному на картине.

Увидев портрет, Бай Шаоцин чуть не рассмеялся вслух.

Никто во всем Цзянху, кроме Фэн Луна, не смел провоцировать господина Бянь Фу. И вот теперь появился еще один.

Но откуда Сыма Фань узнал об отношениях Фэн Луна и Бянь Фу?

Он уже два года не был в Цзянху, неужели личность Фэн Луна, как лидера культа Справедливости уже просочилась? Если это так, тогда Улинь ждет кровавый дождь и пахнущий кровью ветер.

<http://bllate.org/book/15169/1340556>